

МУЗЕЙ ЗЕМЛЕВЕДЕНИЯ МГУ имени М.В. ЛОМОНОСОВА

65-летию Победы посвящается

В.П. Белов

**СОЛДАТ ВСПОМИНАЕТ
МИНУВШИЕ ДНИ**

Москва • 2010

Белов В.П. Солдат вспоминает минувшие дни. – М.: МЗ МГУ, 2010. – 40 с.

В преддверии 65-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне автор, участник той уже далёкой войны, делится с читателями воспоминаниями о событиях 1941–1945 гг. Книга ещё раз приоткрывает перед нами героические и трагические страницы нашей истории. Рекомендуется широкому кругу читателей.

*Читателю, внуку моих товарищей
выживших и погибших*

О войне в те годы солдат знал мало. То, что рядом с ним, да то, что приносила молва. Ниже – воспоминание моментов солдатского быта тех лет: сначала мальчишки, затем молодого солдата, наконец – ветерана, бывалого воина-окопника.

***Что было тогда, чем мы тогда жили?**
Прежде всего, **был великий ратный труд.**
Далее, **была непоколебимая Вера в Победу.**
Наконец, **была Верность. Верность**
товарищам и державе. Не зримая, не
показная, по настоящему понятая только
сегодня, когда вокруг так часто ее не хватает.*

Первые дни

В июне 1941 года мне было уже 17 лет. Я окончил девятый класс и считал, что имею вполне самостоятельные суждения по всем основным вопросам жизни. В каникулы решил поработать с геологами, в кармане уже лежало командировочное удостоверение и железнодорожный билет до Измаила на 24-ое число. В Бессарабии я должен был начать свою геологическую деятельность в качестве коллектора треста «Спецгео». Но....

22 июня, солнечный воскресный день. Утром с товарищем-одноклассником пошли в филиал Большого слушать «Демона». Представление начиналось в 12 часов. В антракте после первого действия наше внимание привлекли небольшие группы зрителей, озабоченно обсуждавших что-то вполголоса. В центре таких групп, как правило, были военные, и это окончательно заинтриговало нас. Ощущение тревоги, зародившееся в коридорах и фойе, перенеслось в зал, и во втором акте внимание зрителей было рассеянным, некоторые перешептывались. С нетерпением, дождавшись следующего перерыва, взволнованные догадками и преодолевая робость, подошли мы к солидному военному с петличками командира полка и при орденах. Он подтвердил наши предположения — война, и уточнил — Германия, Румыния и Финляндия. Многие пытались уйти из театра, но их не выпускали. Спектакль продолжался. Опера и до того не производила на нас должного впечатления, а после разговора с военным осталось одно желание — поскорее выбраться на улицу. Это мы и сделали при первой возможности. Скорее убедиться в достоверности, узнать новые детали, поделиться впечатлениями.

Домой шли пешком. На перекрестках стояли небольшие группы, слушали передававшиеся по радио специальные сообщения. Значит, это правда, хотя в нее трудно поверить и еще труднее оценить значение. На серьезных лицах москвичей — озабоченность, растерянность. У милиционеров появились противогазы, дворники ввинчивали синие лампы и прилаживали абажуры к номерам домов.

Во дворе с мальчишками обсудили создавшееся положение. Мои высказывания были наиболее сдержанными. Последние годы я тщательно штудировал газеты и, учитывая боевой опыт, приобретенный немцами, полагал, что Берлин будет взят не раньше, чем через месяц. Менее осведомленные ребята были уверены, что с помощью воздушных десантов и при поддержке немецкого пролетариата, ненавидящего Гитлера, все будет кончено в течение нескольких дней. С нетерпением ожидали у репродукторов сведений о ходе военных действий, но из первых передач нельзя было установить, кто прав.

Война для всех нас была неожиданностью. В памяти еще свежи фотографии Молотова и Риббентропа, подписавших дружественные договоры. Но главное:

разве логично, что Германия, уже воевавшая с Англией, самой большой державой мира, и Америкой, самой мощной промышленной страной, выступит еще и против Советского Союза, имеющего самую сильную и надежную армию? Но, с другой стороны, теперь стало ясно, почему с весны на окнах многих подвалов появились щиты из толстых досок, обшитых кровельным железом, зачем сносились многочисленные заборы во дворах между домами. А в последние дни на улицах зачастили грузовики с тяжелым грузом, укрытым армейскими брезентами. В верхах войну ожидали.

В понедельник спешу в контору «Спецгео»: не вносит ли новая обстановка каких-либо изменений в планы полевых работ? Ведь наша партия находится недалеко от румынской границы. Один из начальников говорит, что война войной, а работа работой, нужно ехать. Еду на вокзал и там узнаю, что все поезда в наш район отменены. Возвращаю билеты и пишу заявление об увольнении с работы, на которой никогда не работал. Однако свою первую зарплату я тогда получил.

Вечером дома налаживал затемнение. В ту ночь москвичей впервые разбудили сигналы воздушной тревоги. Время — 3 часа 24 минуты. Гудят заводы, паровозы, где-то совсем близко воет сирена. Быстро оделся, вышел в коридор. По лестнице спускаются женщины, несущие детей. Под руку ведут соседку-старушку, которая уже давно не выходила из комнаты. У подъезда собралось много народа. Сирены смолкли. Светает. Идет спор: что это — учебная тревога или немцам удалось прорваться к Москве? Вдруг тишину прорывают залпы зенитных орудий и стрекотанье пулеметов. Трассирующие снаряды чертят небо. Высоко пролетает маленький самолет, летит быстро. В небе вспыхивают звездочки разрывов. Еще самолеты. Так продолжается минут 30—40, затем стрельба прекращается, все стихает, народ начинает расходиться. Отбой. На дворе уже совсем светло. Начинаясь третий день долгой войны.

24 июня 1941 г.,
Москва

Трудфронт

Сегодня 20 июля. Скоро месяц, как вместе с ребятами из класса копаем противотанковые рвы в Смоленской области. Сначала возмущались, зачем нужны эти укрепления здесь, так далеко от границы, но после того как над нашими головами каждый день колонны юнкерсов спокойно проплывали в сторону Москвы, недоумения подобного рода стали высказываться реже.

С рассвета до темноты выбрасываем лопатами землю из гигантской траншеи, протянувшейся от горизонта до горизонта. Работа изнуряюще тяжелая и однообразная. Дисциплина железная. 50 минут без остановки вонзаешь лопату в плотный глинистый грунт, затем по свистку 10 минут перекур — лежишь на спине и собираешь остатки сил, чтобы вновь бросать землю до следующего сигнала. Лишь поздно вечером, наполнив животы картошкой и горохом из котлов походных кухонь и расположившись на соломе в большом овчине, ребята оживают. Завязываются разговоры, споры, слышится пение. Хорошо, что ночи теплые, у большинства нет даже одеял.

Сегодня серый, пасмурный день, моросит мелкий дождь. Тучи висят над самой землей. Работаем вблизи маленького полустанка, забитого эшелонами. Вдруг внимание привлекают тревожные гудки паровозов. Совсем низко над землей из тучи выскользнул самолет и, проходя над станцией, вываливает нечто, наводящее в первый момент на мысль о дровах или палках. Напряженная пауза тянется долго, успевают даже высказать предположение об учебной тревоге. Но затем выше тополей поднимаются столбы пыли, дыма и обломков. Еще не рассеялась пыль, как все, влекомые любопытством, помчались смотреть. Бомбы, которые, казалось, летели совсем беспорядочно, на земле расположились строго по прямой линии, начинавшейся от тендера паровоза и кончавшейся где-то в хвостовых вагонах состава. У паровоза накрытая курткой лежала верхняя часть туловища машиниста. Два железнодорожника легко ранены. Эшелон, как теперь стало видно, был нагружен всяким неинтересным скарбом: толь, стекло, мотки ржавой проволоки, различные строительные механизмы и т.п. Помогали засыпать воронки, подносили шпалы, сталкивали под откос разбитые вагоны.

Возвращался к своим траншеям удовлетворенный: в кармане — сувениры: два отличных осколка от немецкой бомбы. Будет что показать в Москве ребятам в подтверждение рассказов.

*20 июля 1941 г.,
Смоленская обл.*

Всесоюзный Ленинский
 Коммунистический Союз
 Молодежи

БАУМАНСКИЙ
 РАЙОННЫЙ КОМИТЕТ
 ВЛКСМ
 Московской организации

№ 20 от 11/10 1941 г.
 №

Москва 66, Н. Бауманная, 39
 1941 г.

СПРАВКА

Выдана Бауманским РК ВЛКСМ тов. *Бессову В. Г.*
 в том, что он действительно был мобилизован Бауман-
 ским РК ВЛКСМ на выполнение спец. задания с
11/10 по *11/10* 1941 года.

БАУМАНСКОГО
 РАЙОННОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Л. Федунин (Федулин).

Артшкола

Конец августа. Скоро начало учебного года. Едва отдышавшись после изнурительного труда на оборонительных сооружениях, со своими одноклассниками, «друзьями-окопниками», ищем себе место в военной године. Кто-то вспомнил, что есть такие спецартшколы, где начиная с 7-го класса, ребят обучают премудростям ратной науки. Одна из таких где-то рядом, в районе Курского вокзала. Не надеясь серьезно на успех, гурьбой отправляемся туда. Надежд мало. Во-первых, мы уже десятиклассники, значит, многое из военной части программы пропустили, а, главное, туда принимают только самых лучших. А мы все обыкновенные, четверочники и троечники. Каково же было наше потрясение, когда сам директор сказал нам: «Пишите заявление о переводе»!

1-ое сентября. Несложная процедура перемещения документов позади. Новый учебный год начался. Мы зачислены в 5-ый взвод, 1-ой батареи, 3-ей Московской специальной артиллерийской школы. К обычным дисциплинам учебной программы прибавились новые: артиллерия, строевая подготовка, уставы, изучение оружия. И физкультура по усиленной программе. День начинается с построения. Печатая шаг, помощники командиров взводов (по гражданке — старосты классов) подходят к дежурному офицеру, рапортуют о готовности к занятиям. Всеобщее восхищение вызывает чеканный шаг и бравая выправка помкомвзвода, назначенного к новичкам соседнего четвертого взвода. Котляр — лучший среди десятиклассников школы. Наш — Бергер, тоже хорош, но не то. Оба ветераны спецшколы, поставлены к нам, чтобы быть примером. «Старослужащие» поначалу держались несколько обособленно и высокомерно, но дедовщиной тогда даже не пахло. Не было такого слова. Не было такого явления.

Началась новая рутинная жизнь. Уроки, шалости на переменах. Дома встречи с друзьями, прежними одноклассниками. Вскоре школа после занятий стала ежедневно отражать взвод для несения патрульной службы на улицах Москвы. И в Кубинке, где проходили лагерные сборы. Вместе с приданным офицером курсируем по улицам, проверяем документы у вызывающих подозрение, останавливаем машины, следим за порядком.

По ночам в очередь дежурства на крыше — защита от немецких зажигалок. Впрочем, с этой заботой мы познакомились еще ранее при дежурствах у себя дома. Никто из москвичей не избежал этого интересного занятия. Правда, не каждому посчастливилось проявить сноровку и смелость, хватая пылающую «зажигалку» железными клещами с длинными ручками и заталкивая ее в ящик с песком. Или, если она не пробила кровлю, сбрасывая с крыши во двор.

После летней разлуки, последний раз встречаемся в родной 618 школе с ребятами нашего 9-го «Б». Бывшего. Теперь они уже «Б» десятиклассники. Радость встречи с друзьями заслоняет тревогу времени. Мальчишки все те же, а вот загорелые и улыбочатые девочки стали еще красивее. С одними мы по мальчишески дружили, в других были тайно влюблены. Но об этом не делились даже с друзьями. Однако за их обликом следили, список «лучших» обновляли почти ежедневно. Первая тройка в нем была нерушима: староста Ира, отличница Муза, просто красавица Неля. А далее в зависимости от пристрастий, настроений в жюри и поведения субъектов фамилии часто менялись: то Жукова Надя, когда обнаружили ее способности на катке, то Калякина Тамара, когда она главная отличница первой была принята в комсомол...

На нас, явившихся в новеньких мундирах, девочки смотрят с уважением, ребята со скрываемой завистью. Разговоры о летних приключениях и надеждах в будущем. Сомнений в исходе войны нет ни у кого, а вот о сроках и тяжести предстоящих испытаний думают по-разному.

К легкомысленной радости встречи примешивается беспокойство. Над всеми висит тревога. Немцы уже в Смоленске. Отцы некоторых — на фронте. Прошла первая волна призыва в народное ополчение. Юрка, младший братишка Томи Комальковой, вдвоем с таким же другом-авантюристом сбежал из дому на фронт. Их сняли с товарняка, где-то уже за пределами Московской области. Начинают поговаривать об эвакуации...

*Сентябрь 1941 г.,
Москва*

Эвакуация

И вот 16 октября. Казалось, Москва на день поверила, что немцы могут ворваться в город. В последних сводках мелькали названия мест, где мы обычно проводили выходные дни. Отмечалось угрожающее положение, сообщалось, что правительство перебралось в Куйбышев. Многие уезжают на восток: одни — с предприятиями, другие — самостоятельно. Сегодня на некоторых заводах выдают деньги вперед. Во дворах ветер носит пепел сожженных документов. Уличное движение направлено как бы в одну сторону — из города. Разговоры соответствующие.

Хорошо, что мне не надо беспокоиться о том, что делать. Я в шинели курсанта спецшколы, за меня думает начальство. С утра все собрались в школе. У нас есть две пушки образца 1910 года и несколько карабинов, но главное — вера в то, что мы воины, наследники традиций русских артиллеристов, и затаенная тоска по настоящим боевым приключениям. Поэтому, когда пришел приказ эвакуироваться из Москвы, на лицах многих разочарование. Но приказ есть приказ, и терять время нельзя. С карабинами выходим на Садовое кольцо, и по праву сильного, первые три машины — наши. Они направляются на перевозку школьного имущества. Сбор всех на Казанской-товарной в полночь.

Наступает время расставаний. Сначала вместе с мамой провожаем отца: у Бауманского райкома формируется коммунистический батальон. Затем моя очередь. Идем по темным улицам на Казанский. Небо Москвы тревожно: блуждают лучи прожекторов, в разных местах — зарева пожаров. Не помню точно, то ли была пауза между двумя воздушными тревогами, но скорее мы просто не обращали на них внимания: они объявлялись с вечера и продолжались до утра.

Ну, вот и расстаюсь с Москвой, с родными и близкими на долгие годы. Мама мужественная, она не рыдает и кричит, как принято изображать в фильмах. Молчит, глаза ее сухие. Она решила остаться в городе, храня надежду, что Москва выстоит. Ей кажется, что если она уедет, то окончательно растеряет всю семью, а это страшнее смерти.

*16 октября 1941 г.,
Москва*

*16 октября 1941 года
В ночь эвакуации из Москвы
(На карте, что за спиной – положение прорвавшихся к Москве фашистов).*

От Москвы до Прокопьевска

На товарной платформе Казанского вокзала нас ожидали широко распахнутые створки двуосных товарных вагонов, известных в народе под именем «телятников». В них перемещалась вся наша армия и потоки уходящего на восток населения. По десять мест справа и слева от входа на полу, покрытом соломой. И еще столько же на дощатых нарах. Всего 40 — состав полного боевого взвода. Спать было вполне можно, если все лягут на один бок. Среди ночи по команде поворачивались с левого на правый.

За первую ночь отъехали от столицы на 6 километров и весь следующий день стояли. Ходили тревожные слухи, что Москва уже окружена и дорога на восток отрезана. В ожидании худшего спешили всем миром пережевать полученные от родных продукты. Но к вечеру движение продолжилось, и впредь до самой Волги, поезд двигался только по ночам. Великую российскую реку переехали 23 октября у Ульяновска. Досуг коротали хорovým пением и отчаянной картежной игрой. Именно тогда познакомился с азартом игрока и тогда же его возненавидел. За Волгой движение ускори́лось, но все равно большую часть времени стояли, пропуская непрерывный поток эшелонов, везущих на фронт воинские части.

В Прокопьевск, ставший родным на полгода, прибыли 1 ноября. Две долгие недели на колесах, и вот, наконец, под ногами твердая земля. Гостеприимные власти разместили нас в шикарно оборудованном интернате: на полу лежали свежие матрасы — каждому отдельный. Какое это было счастье! И дважды в день — поход в столовую, где поначалу кормили как на убой.

Зима 1941-42 годов в Прокопьевске запомнилась суровыми сибирскими морозами, щами из мороженой капусты и бесчисленными письмами со всех концов страны. Война раскидала одноклассников, родственников и просто знакомых по разным концам страны, и переписка стала своего рода хобби, всеобщим помешательством. На занятиях и в свободное время мы строчили послания, куда только можно, а когда приносили ответную почту, подводились итоги этого соревнования и определялись чемпионы. В иной день некоторые получали до десятка писем. Первое письмо из Москвы пришло 10 декабря. Все живы.

По выходным казарменный досуг сдобряли походами в город, где был и кинотеатр и библиотека. А еще был театр Московской оперетты, расположившийся в соседнем Новокузнецке, где не пропускали ни одного спектакля.

Осень — зима — весна 1941-42 гг., г. Прокопьевск

После выпускного вечера 31 мая 1942 г.

В нижнем ряду слева на право: курсант Каледин Виктор, командир батареи Стратилатов, директор школы Таптыков, комиссар Миркин, помкомзвода Бергер.

Автор пометил себя звездочкой

В бригаду!

1942 год. В первых числах июня банкетом было отмечено окончание школы, и мы разъехались по назначениям. Краснознаменное Киевское артиллерийское училище в городе Красноярске, куда я прибыл, меня разочаровало. Многочисленные занятия по строевой подготовке удручали, заучивание уставов наводило уныние, вверенная мне лошадь не слушалась и доставляла массу хлопот и неприятностей. Военная карьера и раньше не представлялась привлекательной из-за ограничений, с ней связанных. Теперь же я часто подумывал, как уйти от офицерской судьбы. Поэтому когда стало известно, что в городе формируется добровольческая бригада, вскоре отправляющаяся на фронт, я был в числе первых, заявивших о желании попасть в нее. Патриотические устремления, тоска по боевой романтике и трезвые соображения гармонично сочетались.

И вот я на плацу, где происходит комплектование подразделений новой части. Меня определяют наводчиком противотанкового орудия первой батареи отдельного артиллерийского дивизиона. Наша часть имеет длинное и многообещающее название — **«78-я Отдельная Сталинская добровольческая стрелковая бригада красноярцев-сибиряков»**. Мои новые товарищи — многоопытные люди среднего и пожилого возраста: горняки, железнодорожники, руководящие работники, получившие «броню» при первых призывах. Большинство — члены партии. Другое название бригады — «Коммунистическая», им все очень гордились.

Непродолжительные занятия имели характер взаимного знакомства и ожидания. Изучали винтовку, гранаты, никому не известный автомат типа ППШ и старую полковую пушку образца 1910-30 гг., единственную на всех артиллеристов бригады.

И вот, спустя немногим больше месяца, мы идем по пыльным, залитым солнцем улицам Красноярска на вокзал, где нас ожидают теплушки и полная неизвестности дорога на Запад. На улицах много провожающих: одни пришли проститься со своими родными и близкими, другие задержались, чтобы выразить добрые пожелания уходящим на войну землякам. Настроение приподнятое.

16 сентября 1942 г.,
Красноярск

Красноармейскую книжку иметь всегда при себе. Не имеющих книжек — задерживать

1. Фамилия Обелов
2. Имя и отчество Валентин Леонидович
3. Звание и должность Красноарм. Нахлебник
4. Наименование части (учреждения) 78 Сталинская бригада
5. Наименование подразделения (батальон, рота) 1-я батарея О.А.Д.
6. № личного знака _____

Личная подпись владельца книжки _____

Место для фотокарточки владельца книжки

Командир роты Л. Г. Зуб
 1-й. 14 февраля 1943 г.
 (Место печати части)

I. Общие сведения

1. Номер военно-учетной специальности 7
2. Грамотность и общее образование (если окончил техникум, рабфак или ВУЗ, то указать его название) Бригаде
3. Национальность русский
4. Год рождения 1924
5. Год призыва (указать также — нормальный или досрочный призыв) _____
6. Каким военкоматом призван Сотск. Никола Сер. Москва
7. Специальность до призыва _____

3

8. Место рождения и постоянного жительства. Домашний адрес, фамилия, имя и отчество жены или родителей _____

Варед Москва Бисман
млад и 18 кв. Ч. мать
Обелова Фриза Александровна

9. Группа крови по Янскому _____

Примечание. Общие сведения записываются в штабе части. Сведения о групповой принадлежности крови вносятся санитарной частью.

4

II. Прохождение службы

Часть, подразделение, занимаемая должность и звание	Месяц и число	Год и № приказа	Расписка командира роты
<u>1-я батарея О.А.Д.</u>			<u>Л. Г. Зуб</u>
<u>78 Сталинская дедово-овинская бригада Вильяма Кутузова Красноарм.</u>		<u>1943</u>	

5

Первая красноармейская книжка

Противотанковая оборона

Калининский фронт, зима 1942 г. Вот уже два месяца как мы на передовой. Сперва был многодневный марш через леса и болота. Где мы находимся, куда продвигаемся, никто толком не знает. Где-то западнее Москвы, и все. Двигались мучительно медленно. Местами — ухабистыми лесными дорогами, а кое-где — по полному бездорожью.

Чтобы протащить машины с пушками через заболоченные участки, валили лес, один к одному прикладывали бревна и по таким лежневкам медленно продвигались вперед. Из эшелона выгрузились на станции Шуваево 11 октября, а на первую огневую позицию вышли только 28. И каково же было наше удивление, когда, развернув фронт батареи в направлении врага, обнаружилось, что стрелять нам придется строго на восток, в направлении, где Москва! Позже выяснилось, что находимся мы западнее города Белый, где укрепились немцы.

Наши огневые позиции (ОП) в полутора км от передовой, где в окопах среди пехотинцев сидит наш комбат с разведчиками и связистами. У них своя жизнь, а наши будни — днем — бесконечные земляные работы — «совершенствование обороны». А вечерами в блиндажах под защитой трех добрых накатов из могучих бревен, горячее варево, запах опаленных портянок и протяжные песни на голоса. По ночам — дежурства у орудий.

И вот, наконец, наступление. Сперва много стреляли и даже продвинулись на несколько километров. Но потом что-то случилось.

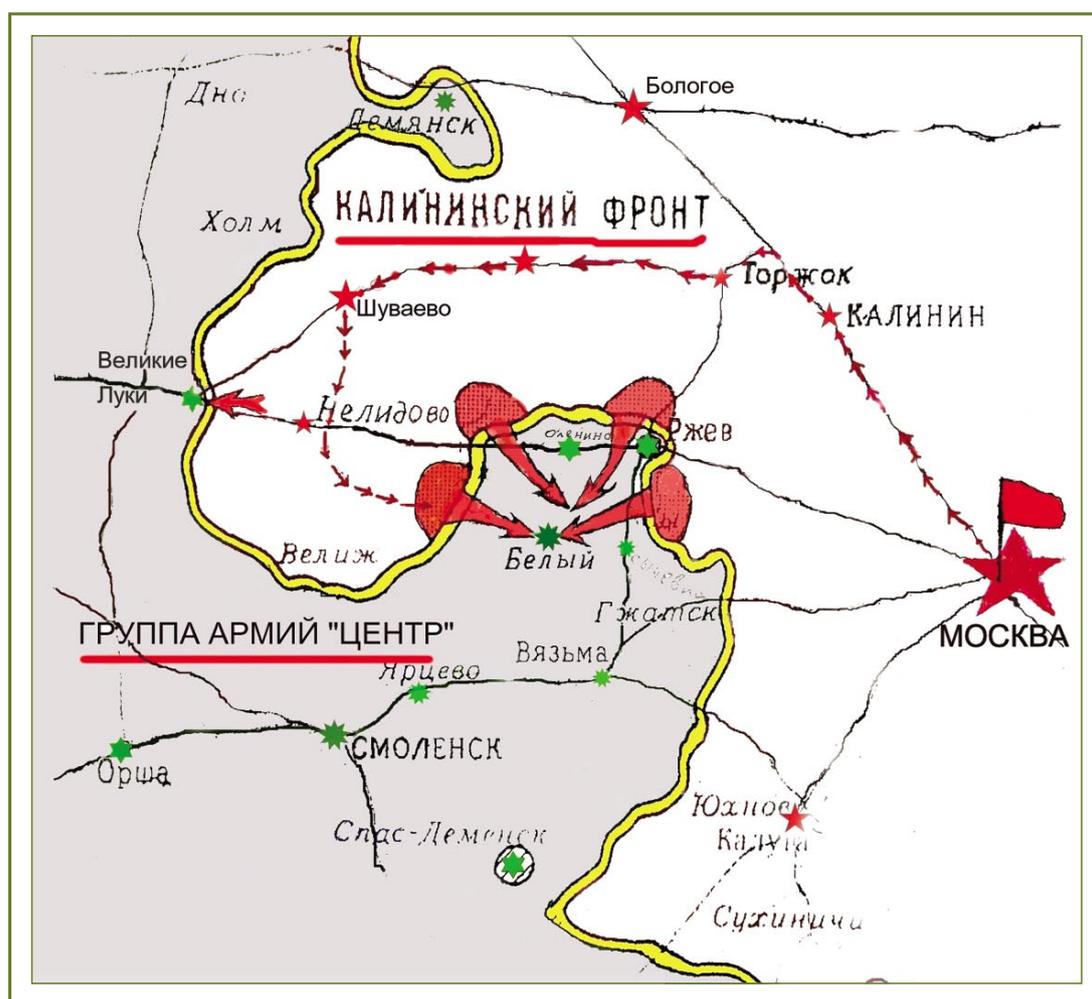
Сегодня плохой день. Стоим у дороги, с трудом укрепили пушку в мерзлой земле и ждем. А мимо в сторону тыла небольшими беспорядочными группами отходит пехота. У некоторых свежие, набухшие кровью повязки, и у всех в глазах смятение. Наш комбат пробовал остановить нескольких, но те отвечают, что так приказано. А солдатам вполголоса рассказывают, что впереди никого нет, и что немцы вот-вот нагрянут.

Я наводчик 76 мм противотанкового орудия, со своего места — ни на шаг. После утреннего боя у нас осталось три орудия: одну пушку разбило прямым попаданием, даже колеса раскатились, а из расчета никого не осталось. Думаем, что стрелял танк из леса, но достоверно никто не видел. Хуже всего неопределенность: приказ занять противотанковую позицию у дороги был еще вчера, но с тех пор многое изменилось. Связи нет, и о нас, наверное, просто забыли. И вдобавок, лютый холод. Непрерывно дует ветер, а на нас полученные еще в Красноярске потертые шинели и кирзовые сапоги. Снегу мало, земля глубоко промерзла, и, когда кругом все уходит, совсем нет желания долбить мерзлоту, копать яму под землянку. Кухни нет уже вторые сутки. Солдаты поговаривают о том, что хорошо бы подогнать «виллисы», стоящие неподалеку в кустах, подцепить орудия и до выяснения обстановки переехать в другое, более надежное место. Но приказа нет. И, с другой стороны, может быть,

мы действительно сила? Ведь утром немецкие танки не пошли дальше: наверно, испугались, когда мы вслепую, но весьма усердно стреляли по лесу, откуда слышался рев их моторов? Надо стоять!

В результате наступательных боев в ноябре-декабре 1942 года Ржевский выступ не был ликвидирован, но полукольцо вокруг Ржева значительно сузилось. Главный итог стратегической наступательной операции «Марс» состоял в том, что наши войска не только не позволили гитлеровскому командованию перебросить подкрепления с Ржевско-Вяземского плацдарма под Сталинград, где фашисты пытались деблокировать группировку Паулюса, но и вынудили его сосредоточить в районе Ржев-Сычевка крупные силы.

6 декабря 1942 г.,
район деревни Козьино, Калининская обл.

На схеме показан маршрут частей 78 Красноярской бригады от Москвы до ее места в боевых порядках Калининского фронта. Готовилось очередное наступление на засевших в Ржеве, всего в 250 км от Москвы фашистов. Ради ликвидации этой угрозы, а так же с целью сковать здесь громадную группировку отборных гитлеровских войск, не допустить их переброску на помощь попавшей в окружение Сталинградской армии Паулюса и была задумана операция «Марс». Хотя в итоге взять город Белый и Ржев не удалось, обе эти задачи, сибирские части с честью выполнили.

В пехоте

Наше первое наступление закончилось без существенных территориальных приобретений. 15 декабря 1942 года отказали в водке, и эту дату можно считать рубежом перехода от наступления к новой фазе боевых действий — «активной обороне». Снова оборудование позиций: строительство блиндажей, закапывание глубоко в землю всего, что есть в артиллерийском хозяйстве: пушек, снарядов, машин. Потом оборудование наблюдательных и командных пунктов, штабов и т.д.

24 декабря всех подняли в 4 часа ночи. Десять минут на сборы, и вот большая часть батареиной братвы — у штаба дивизиона. Приказ: оставить у пушек по два человека, остальных — на пополнение пехоты. В ней, матушке, после двух недель наступления не осталось главного — солдата. Некому держать оборону. Собрались у дивизиона, затем к штабу батальона. Здесь артиллеристы перемешиваются с минометчиками, связистами, поварами, писарями и другими специалистами второго эшелона. Всем выдают зимнее обмундирование, разбивают на группы и направляют к новому месту прохождения службы.

В полной темноте по малозаметным на снегу тропинкам подходим к переднему краю. Все ближе поднимаются звезды осветительных ракет и пунктирные струйки трассирующих очередей. Временами над головой свистит слепая пуля. На опушке леса короткая остановка: делимся на небольшие группы, и дальше нас ведет сержант мрачного вида — командир отделения, наш новый начальник. Кругом местность совершенно открытая. Двигаемся по неглубокой лощине. Местами перебегаем, пригнувшись к земле. Начинает светать.

Вот мы и на месте. Неглубокая яма, накрытая плащ-палаткой, единственное жилье и укрытие нашего отделения. До нас здесь было двое, места хватало. Теперь прибыло еще шестеро, а в укрытие едва вмещаются четверо. Я оказался проворнее других и в числе первых протиснулся в землянку. При свете коптящей лучины разглядел заросшее щетиной лицо сержанта. Он составлял новый список личного состава и, видимо, благодаря тому, что я оказался ближе, назначил меня своим заместителем. **«Если меня убьют, командиром будешь ты, и сразу же назначишь своего заместителя».** Это мудрое наставление запомнилось навсегда. Проблему размещения личного состава он решает быстро и просто: двое идут на смену часового в передовой траншее, остальные начинают сооружение новой землянки.

Выбираем место для землянки. Я уже поднабрался опыта и знаю, что слой промерзшей земли тоньше там, где высокая трава задержала больше снега,

или он скопился в каком-нибудь понижении. В нашем распоряжении две саперные лопатки и несколько трехгранных штыков. Работа продвигается медленно, но холод и мечты об отдыхе в тепле воодушевляют нас. Пробили слой мерзлоты, но когда работа стала продвигаться быстрее, на глубине около метра неожиданно появилась вода. Так вот почему в землянке сержанта можно было стоять только на четвереньках! А я то подумал, что эти лодыри, пехотинцы, В отличие от нас, артиллеристов поленились поработать...

Для перекрытия нашего сооружения, кроме плащ-палаток, много материала не нашлось. Вместо печки вырезали в стенке что-то вроде камина. Но самым неприятным оказалось отсутствие дров. Мелкий и редкий кустарник вокруг на доступном пространстве обломали наши предшественники. Они же подобрали весь деревянный хлам из разбитого военного оборудования. Солдаты пытались найти что-либо из горючего под снегом, но результаты были убогие. Позднее приходилось ходить ночью за 1,5-2 км в лес и носить хворост оттуда. А пока в ожидании ужина, который должны были привезти только после наступления полной темноты, утомленные бессонной ночью и тяжелой работой на морозе мы забились в свое холодное убежище и, прижавшись, друг к другу, задремали.

Короткий день прошел. После ужина, получив цинковый ящик с патронами, где пригнувшись, а где ползком, пробираюсь по мелкому ходу в снегу на пост в передовой траншее. Свою часть ночи я должен стрелять из разных мест в сторону немцев, создавая видимость присутствия многочисленного охранения. Промерзший часовой перед уходом дает мне несколько ценных советов: из окопа не высовываться, стрелять не глядя. Даже ночью это весьма опасно, а днем равносильно самоубийству — до немцев всего 200 метров. С любопытством новичка тщательно осматриваю свой оборонительный рубеж. На участке шириной около ста метров — несколько достаточно глубоких ячеек, соединенных мелкими переходами. В разных местах лежат винтовки и около них патроны, так что при переходе с места на место нет необходимости переносить свое оружие. Есть и гранаты, в том числе и пузатые противотанковые, которые я до сих пор никогда не держал в руках. Оглядевшись, начинаю стрелять в темноту. Через некоторое время замечаю, что в одном направлении после каждого выстрела вспыхивает ответный огонек. Сначала промелькнула мысль, что это отвечает немец, но вскоре понял, что там находится какая-то большая стальная масса, возможно подбитый танк, и искры выбивают мои пули. Стрелять стало интереснее, время до смены побежало быстрее.

*24 декабря 1942 г.,
Калининский фронт*

Смена позиций

Всего лишь шесть дней стояли мы на этом рубеже, но места более неприятного и гиблого мне больше никогда не встречалось. Сырая и холодная яма, покрытая плащ-палаткой, всегда была полна едкого дыма, дрова гореть не хотели. С «потолка» капало, обтаявшие глинистые стенки оплывали, вода на полу, сколько ни вычерпывай, не убывала. Но главное — непрерывные потери. Уже в первый день в нашем отделении ранило молодого парня, кажется, из минометчиков, который, несмотря на все предупреждения об опасности умудрился получить пулю в ногу. Через день расстался с Семеновым — единственным артиллеристом в нашем отделении. У нас на батарее он был ездовым, а здесь заявил, что может быть снайпером. Получил винтовку с оптическим прицелом и уполз на пост. Но уже через полтора часа ребята приволокли его обратно на плащ-палатке. Судя по тому, что вскоре из нашего отделения забрали одного из солдат для подкрепления соседнего, потери у других были не меньшими. Особенно быстро редело пополнение, поступившее из среднеазиатских республик. Морозы и скудное питание подавило у южан чувство страха и притупило инстинкт самосохранения. Не обращая внимания на окрики товарищей, медленно брели они там, где нужно было быстро перебежать или ползти, прижавшись к снегу. И результат не замедлил сказаться.

В ночь на 30 декабря нам на смену пришли новые подразделения, и мы с чувством большого облегчения направились в тыл. Но для многих радость оказалась преждевременной. Немцы, видимо, заметили перемены: оживление стрельбы, появление новых огневых точек, общее изменение стиля огня. Почувствовали, что что-то меняется. Реакция была быстрая. Начался слепой, но методичный минометный обстрел заранее пристреленных вероятных путей передвижения. Спасаясь от первых залпов, наша колонна в составе нескольких десятков человек скатилась в балку с довольно крутыми бортами. И именно здесь ее плотно накрыли следующие залпы. Под грохот разрывов и визг осколков прижимаюсь к содрогающейся земле, ощущаю удары горячего воздуха и дробь комьев мерзлой породы. Кончился шквал разрывов, и лишь мгновение длится пауза тишины. Ее сменяют крики о помощи, стоны и причитания, раздающиеся со всех сторон. В кино просто — подстреленные беззвучно падают и неподвижно лежат, режут, прихрамывая или схватившись за рану, продолжают мужественно сражаться или убегать. Здесь же впечатляло множество криков и беспорядочные движения массы пострадавших.

Рядом мой командир отделения. Он молчит и показывает на разбитую руку. Вскрываю свой медпакет и заматываю его руку прямо поверх гимнастерки. На

мой взгляд, рана пустяковая, хочу отвести его в сан-роту, которая где-то здесь недалеко, но он почему-то не может идти, хотя показывает только на руку. Рядом Базилевич, грузный пожилой мужчина из нашего отделения, с которым я успел хорошо познакомиться. Он совсем невредим, но сильно потрясен и не может прийти в себя. Подталкивая, поднимаю его с земли, и мы вдвоем тащим нашего командира, взяв его под руки. Только теперь он непроизвольно хватается за нижнюю часть живота, где медленно расплывается красное пятно. Врачевать такую рану я не решаюсь, и, подбадрывая словами, мы несем его дальше. Нам навстречу бегут санитарки с толстыми сумками, несут носилки.

*30 декабря 1942 г.,
Калининский фронт*

Ляпино

После минометного обстрела на пункт сбора из нашего отделения вышло только двое. Восстанавливать роту сочли нецелесообразным. Оставшихся направили в другие подразделения.

Взвод, куда мы прибыли, расположился в просторном помещении, построенном немцами для укрытия лошадей. Врытый в землю просторный сруб надежно укрывал людей от опасностей и непогоды. Наши новые сослуживцы встретили прибывших вполне равнодушно. Недавно подъехала кухня, и все были заняты важным делом — делили суточную норму хлеба и сахара перед ужином. Внушавший доверие пожилой солдат, отвернувшись от овладевшего всеобщим вниманием расклада, отвечал на вопрос «*Это — кому?*» — *Ивану, Петру, Сидору...* Точность глазомера подкреплялась случайностью выбора, и возможность несправедливости была, таким образом, исключена. Большинство расправлялось со своей суточной пайкой сразу, тут же за ужином. «*Чтобы не пропало, если убьют*», — объясняли остряки.

Единственным, обратившим на меня внимание, оказался старший по положению в этой команде помкомвзвода Сергей Кучумов, Крепкий молодой парень некоторое время жил в Москве и обрадовался встрече с земляком. Разговор начался с воспоминаний о московских улицах и закончился уговором вместе отметить Новый год, который наступал завтра.

Наутро осмотрелся. Новые позиции расположены в деревне Ляпино на заснеженном холме, господствующем над обширной долиной. В то, что здесь действительно была деревня, я поверил лишь, когда разглядел скрытые под снегом малозаметные кучи кирпича — остатки печей и труб, да ямы на месте подвалов. Но на вершине пригорка сохранилась кирпичная церковь. Ее толстые стены выдержали многочисленные прямые попадания снарядов разного калибра. И, несмотря на то, что она была хорошо видна со всех сторон на много километров, в ней разместился командный пункт роты. Проемы окон и бреши в стенах были заложены обломками кирпичей, цементированных льдом. Такая технология мне очень понравилась. Немецкие траншеи чуть различимы на противоположной стороне долины. Расстояние до них — больше километра, и в нашем расположении можно ходить, не пригибаясь, хотя это и запрещено.

После ужина стали готовиться к встрече Нового года, но когда время подошло к полуночи, всех поднял сигнал тревоги. Схватив карабин, побежал вслед за другими по малознакомым ходам к передовой траншее. По всему фронту немцы открыли беглый огонь из всех видов оружия. Сотни ракет поднялись в воздух и осветили долину. Мелкие светящиеся бусы пулеметных очередей расползались в разных направлениях. Скорострельные зенитки давали снопы более крупных звезд. На черном фоне неба зрелище игры разноцветных огней было фантастическим и возбуждающим.

Мы отвечали в темноту по мере своих возможностей. Неужели пойдут в наступление? Но все ограничилось великолепным десятиминутным фейерверком. Затем стрельба стихла, и через некоторое время был дан отбой.

Пошли будни окопной жизни: дежурства на передовой, работы по совершенствованию укреплений. Жизнь на холме Ляпино стабилизировалась. Условия быта наладились: было где обсушиться и отдохнуть. Каждый день я имел свежие газеты. Солдаты и командиры относились ко мне с уважением, Работа нравилась, дружба с Сергеем укреплялась. Я чувствовал себя хорошо.

Однажды меня вызвали на командный пункт. Здесь зам. командира роты по политчасти, а проще — ротный комиссар, побеседовав со мной, предложил стать его помощником. С этого дня моим забота прибавилось. Вечерами я стал курсировать из блиндажа в блиндаж и рассказывать солдатам газетные новости, читать наиболее важные сообщения. То были дни завершающих боев под Сталинградом, и победные сводки укрепляли веру в победу, оправдывали тяготы и лишения солдатской жизни.

Памятная ночь

Ночью 24 января 1943 года под защитой толстых стен полуразрушенной церкви собрались коммунисты роты. Мерцает свет коптилок из снарядных гильз, высвечивает обледеневшие своды и проемы окон, заложенные битым кирпичом. Здесь, на вершине холма, где еще недавно стояла деревня Ляпино, расположен командный пункт участка обороны. И это единственное место, где могут разместиться полтора десятка человек. На патронных ящиках в обнимку с винтовками сидят в полушубках промерзшие солдаты. Слушают мой рассказ.

А что можно рассказать о себе в 18 лет? Школа. Противотанковые рвы в дни сражения за Москву. Два месяца в военном училище. В дни прорыва немцев к Кавказу и Сталинграду ушел в добровольческую бригаду: чувство ответственности за Родину было дополнено нетерпением повоевать. И, наконец, шесть месяцев на Калининском фронте. Срок небольшой, но в эти месяцы 1942 года уложилось многое. Был марш в обход врага на сотню километров через леса и болота Калининщины. По ночам стлали гати и тащили на себе пушки, снаряды, автомашины. Было большое наступление в ноябре — наш вклад в великую битву под Сталинградом. Бой с танками у деревни Козьино, когда мы несли тяжелые потери, но не отступили. И, наконец, были два месяца в пехоте, самые трудные за все годы войны. Сюда нас, артиллеристов, направили, чтобы закрыть бреши, образовавшиеся в результате ноябрьского наступления. После первых двух недель обороны в нашем отделении осталось два человека, у других было не лучше. Но до подхода подкрепления устояли.

Для моего командира орудия Ивана Епифановича Елисеева этих шести месяцев оказалось достаточно, для того, чтобы поручиться за меня перед партией. В ноябре мы в одной команде были направлены в пехоту. Но скоро его, многоопытного райкомовского работника назначили политруком батальона. И вот он не только на-

писал мне рекомендацию, но и сам пришел на передовую поддержать меня. Вторую рекомендацию дал командир батареи. Вопросы ко мне просты, просты и ответы. Перед голосованием слово берет политрук роты, призывает собравшихся оказать мне доверие. Возвращаюсь в блиндаж взволнованный и торжественный. Я кандидат в члены ВКП(б)! Это для меня высокая честь, Я поздно стал комсомольцем. Перед войной в нашем 9 «Б» такой чести были удостоены лишь 2-3 человека, и мы внутренне им завидовали. Теперь, став кандидатом ВКП(б) при минимальном возрасте, я компенсировал это упущение. С тех пор прошло много лет. А та ночь в январе 1943 г. сохранилась в памяти с мельчайшими деталями.

В конце января прибыло крупное пополнение и настало время артиллеристам вернуться в свои части. Я отстал от своих батарейцев, поддавшись уговорам замполита и дорожа дружбой с Кучумовым. Но вскоре трагическое событие вернуло меня на путь правильный. В ночь на 30 января мы собрались отметить мой день рождения. К этому случаю у меня была бутылка вина, присланная отцом в посылке, и кое-какие лакомства. Перед полночью Сергей пошел проверить посты, а я остался ждать его возвращения. Ждал долго и незаметно уснул. Когда же проснулся, то солдаты показали мне место, где было засыпано снегом его тело. Несколько пуль слепой пулеметной очереди сразило его наповал. Теперь у меня не оставалось колебания, возвращаться ли мне в батарею. Пехота — это пехота. Я заявил о своих правах на перевод обратно в артдивизион.

11 февраля. С утра небо совершенно безоблачно! Глубокие сугробы свежего снега нестерпимо искрятся под лучами яркого солнца. Хотя утренний мороз кусает уши, весна солнца и света в полном разгаре. Мое настроение полностью согласуется с праздником погоды.

Окончились переговоры с разными начальниками, позади упреки и уговоры. Я настоял на своем праве вернуться на батарею. Необходимые для перехода бумаги у меня в кармане. Сегодня, еще до завтрака, я в последний раз обошел блиндажи, попрощался с «братьями-славянами» и вот сбегая по тропинке с заветной высоты, где знакомы каждый бугорок, каждая ямка. От радости хочется кричать, прыгать и кувыркаться. Добежав до опушки леса, останавливаюсь и смотрю и смотрю, и смотрю, чтобы запомнить навсегда характерный профиль холма, увенчанного руинами белой церкви. Прощай Ляпино! Прощай пехота!

Январь — февраль 1943 г., Калининский фронт

Воздух!

На горизонте показалась первая волна юнкерсов. Они идут, держа правильный строй, как стая птиц на перелете. **Воздух!** — сигнал воздушной тревоги доносится с разных сторон. Нарастает характерный, периодически замирающий гул немецких моторов. Белые барашки разрывов наших зениток, пятнающие чистое небо вокруг и между самолетами, не нарушают их медленного, но неумолимого продвижения.

В конце лета 1943 года на смоленском направлении накапливались силы для большого наступления. В ночь на 25 июня мы вкопали свои пушки на пустынном поле, покрытом зелеными порослями ржи. Перед нами памятная многим высота с отметкой 233,3 в районе села Буды. Мы — это сибиряки-красноярцы, артиллеристы бывшей 78-ой добровольческой Сталинской бригады, завоевавшие в тяжелых боях минувшей зимы почетное право называться гвардейцами. Теперь, после пополнения и переформировки, части, бригады стали костью мощного соединения — 65-ой Гвардейской стрелковой дивизии, готовой к новым боям за освобождение. Гвардейское знамя наш 190-ый артполк получил всего лишь днем раньше на привале в месте последнего сосредоточения перед выходом на огневые позиции.

Концентрация ударных сил быстро нарастала. Каждую ночь прибывали все новые батареи. Вокруг нас, как грибы после хорошего дождя, появлялись все новые орудия и минометы разных калибров. На нашей огневой скопилось невиданное количество снарядов. Доверху заполнены все склады, горы ящиков сложены непосредственно у орудий. Несмотря на всеобщее старание укрыть всю технику зеленью злаков, противник, очевидно, заметил подготовку и тоже подтягивает силы. С каждым днем увеличивается мощь его огневых налетов. А мы молчим, не отвечаем.

И вот 1 августа немцы двинули авиацию. наших самолетов нет. Первые бомбы вздыбили землю перед позицией батареи. Расчеты в укрытиях. Я притаился у бруствера орудийного окопа, надеясь понаблюдать за ходом событий. Но из перекрытого накатом ровика на меня матерно ревет Пахабов. Командир орудия никак не хочет понять моего любопытства, не признает за мной права увидеть все своими глазами. Ползу в щель, втискиваюсь в узкое пространство под накатом, и без меня плотно забитое потными, тяжело дышащими телами орудийных товарищей. А над нами уже грохочут разрывы. На этот раз командир, пожалуй, прав: бомбы плотно покрыли все пространство, занятое батареей.

Едва затихает шквал разрывов, выглядываю из укрытия и сквозь дым и пыль взброшенной земли вижу высокое пламя у первого орудия: горит высушенная солнцем рожь, уже запылали сухие доски снарядных ящиков, сложенных штабелем у пушки, Все бросаются на борьбу с огнем.

Надо же натащить столько сухой соломы! Ради маскировки мы закрыли ею всю землю, выброшенную из орудийных окопов, завалили пушки, передки, блиндажи и, главное, бесчисленные ящики с боеприпасами. И теперь, высушенная солнцем она ярко, пылает кругом.

В первый момент вид полыхающих снарядных ящиков смущает спешащих на пожар: сколько мгновений осталось до взрыва? Возникшее замешательство преодолевает Пахабов. Он бросается к горящим ящикам, хватая верхний и выбрасывает его за бруствер окопа. Захваченные его порывом и остальные набрасываются на огонь. В ход идут лопаты, плащ-палатки. Я вываливаю снаряды из охваченных: огнем ящиков на землю. Некоторые гильзы раскалились настолько, что порох в них вспыхивает и с фыркающим звуком выталкивает болванку снаряда. А взрыва нет!

В азарте борьбы с огнем никто не заметил следующей волны самолетов, сбросивших новую порцию бомб. Быстро нарастающий вой заставил всех прижаться к земле в том месте, где он находился. Но не у всех выдержали нервы. Визг падающей смерти и грохот разрывов подняли несколько фигур, которые, побежали, пригибаясь, прочь из пекла, в сторону тихого леса. Они-то и оказались жертвами налета.

Еще не рассеялись дым и пыль разрывов, как борьба с огнем возобновилась с новой яростью.

Опаленные пламенем, пропитанные потом и гарью, сидим на бровке орудийного окопа, обсуждаем итоги боя, его детали. Немецкие бомбы были двух типов: большие фугасные с тонкой оболочкой из листовой стали заполненной бетоном и мелкие, длиной около десяти сантиметров, которые сбрасывались в жестяных контейнерах пучками по 10-15 штук и затем у земли разлетались на несколько метров в стороны. Они буквально усеяли все пространство. Одна тяжелая бетонная бомба угодила прямо под станину первого орудия, сорвала левое колесо, помяла лафет и щит. Чтобы дотащить искалеченную пушку в дивизионную артмастерскую, пришлось вместо колеса приспособить деревянный костыль. Наши потери: убит командир орудия Цыбулин, ранены его наводчик, заряжающий, батарейный артмастер. Ранен в голову и мой орудийный командир Михаил Федорович Пахабов. Осколок сразил его во время борьбы с огнем.

Старшина подогнал повозку для отправки пострадавших в санбат. В глазах командира засветилась влага. Нет, то не следы боли. Это горечь разлуки с товарищами, обида, что не доведется участвовать в долгожданном наступлении.

Прощай, Михаил Федорович, мой бесстрашный командир! Ты еще вернешься к своему орудию, и мы вместе будем сражаться до Победы на равнинах Латгалии и Курляндии.

1 августа 1943 г.

Смоленская область, Район села Буды.

Осенью 73 года я, наконец, нашел Михаила Федоровича в шахтерском поселке на юге Красноярского края. На порог маленькой, но чистой хатки вышел невысокий сухощавый ссутулившийся от времени человек, знакомый и родной. Как будто и не было тридцати лет разлуки. Но меня он не узнает и с недоумением смотрит на гражданина, входящего в избу без приглашения. «Не узнаешь боевых товарищей?». Пауза тянется лишь мгновение. Голос его дрожит. «Валька, ты? ...»

На следующий день, провожая, его половина нагрнула меня замороженными помидорами, поделилась скромным богатством хозяйства моего боевого товарища.

Сентябрь 1973 г.

Черногорск. Хакасской автономной области.

Артнаступление

Кончается время ночного дежурства на батарее. Багровый диск солнца только что выплыл из-за горизонта и воздух еще хранит ночную прохладу и тишину. На неподвижной былинке висит алмазная капля росы. Солдаты спят.

«По местам!» — близкий к срыву голос взволнованной телефонистки выкрикивает из блиндажа только что принятую команду. И тотчас этот боевой клич подхвачен разноголосым хором часовых. Резкие звуки оглашают округу. Из темных ходов блиндажей, подталкивая друг друга, выскакивает прислуга бога войны. Затягивая на ходу ремни, бежит она к орудиям, сбрасывает маскировку, срывает чехлы, раскрывает снарядные ящики. А сильный голос уже выкрикивает номера целей, дальность прицела, угол наводки, порядок огня.

Вот он, тот долгожданный момент, мыслями о котором мы жили последние недели. Еще вчера нам зачитали приказ о наступлении. В нем определялись цели и ставились задачи. Сообщалось о высокой плотности нашей артиллерии — 230 стволов на каждый километр фронта. Закончены все приготовления, залечены раны последнего воздушного налета. Вернулось восстановленное в мастерских орудие. Взамен практически полностью потерянной команды для него за счет других расчетов укомплектована новая. Батарея готова выполнить свой долг в полной мере.

Ровно в 5 утра земля и воздух содрогнулись от мощного удара тысяч стволов. Встревоженные птицы взлетели высоко в небо. Дым и пыль поднялись над полем боя. С четкостью автоматов работают орудийные расчеты, выжимая предельную скорость огня. Первая очередь в десять снарядов занимает не более полминуты. За ней следуют вторая, третья. От раскаленных стволов пышет жаром, в воздухе запах выгорающей краски. Противник отвечает слабо, или это нам только кажется в горячах?

К шуму канонады присоединяются рев моторов идущих над самой землей самолетов, грохот и скрежет танков, направляющихся к передовой. В том же направлении неуклюже вышагивает бронепехота: молодые парни идут с панцирями, защищающими переднюю часть тела. Эта новинка должна стать сюрпризом для немцев.

Вначале противник отвечает слабо: видно, все его внимание на передовой. Но затем огонь его артиллерии усиливается. Очередной шквал разрывов приносит беду — нарушена связь. Телефонистка отчаянно кричит в мертвую трубку. Ответа нет. Порыв на линии. Сейчас эта обычная неприятность телефона равноценна уничтожению батареи. В тот момент, когда пехота должна продвигаться,

следуя за нашим огненным валом, мы теряем с ней связь и выходим из боя. Связь нужна немедленно и любой ценой.

Вперед за бруствер навстречу огню и смертоносному железу высккивает телефонистка.левой рукой ведет она нитку провода, что-бы не пропустить повреждения, правой придерживая тяжелую катушку. Не сгибаясь, крупным шагом бежит прямо к полосе разрывов. Нина Чухломина, наша красавица и недотрога, мечта и гордость каждого на батарее. Так почему она? В эту минуту каждый из нас готов встать на ее место. Но сейчас ее черед, ее право на подвиг, ее право и долг утвердить ореол почитания. И этого права она никому не уступит. Опустив руки, стоим мы, зрители, не обращая внимания на грохот вокруг. Наблюдаем, как легко и непринужденно распоряжается она своей восемнадцатилетней жизнью. Вбегая в клубы не рассеявшегося дыма, связистка уходит вдоль линии.

В семь часов с передовой сообщают: наступающая пехота ведет бои на второй линии немецкой обороны. Правее нас взят первый населенный пункт — Калининка. Пора начинать подготовку к продвижению вперед. Разбираем горы пустых гильз, укладываем свое нехитрое имущество. Наконец наступает жизнь, полная действий и движения, боевая жизнь. Только бы прорваться!

*7 августа 1943 г.,
Смоленская область.*

Бой на лесной дор

Немцы! На пустовавшей весь день лесной дороге, по которой еще утром проходили на запад наши наступающие войска, снова шум и суета. Но что такое? На броне танков черные кресты! Вот они перестраиваются в боевой порядок и, стреляя с ходу, уходят в направлении, куда недавно прошли колонны наших. С грузовиков соскакивают автоматчики и скрываются в лесу между деревьями. Атаку поддерживает тяжелое самоходное орудие, притаившееся на опушке. Оно бьет не торопясь, с большими интервалами, очевидно, тщательно выбирая цели.

После октябрьских боев за освобождение Риги наша 65-ая гвардейская, а теперь еще и «Рижская» дивизия продолжала преследовать отходящих фашистов. И надо же такому случиться, что на стремительном марше вышел из строя наш тягач — студебеккер, тянувший 76-мм пушку. Единственное чем смогли помочь нам товарищи — это откатили орудие и беспомощную машину к покинутому хутору, одиноко стоящему недалеко от дороги. Пообещав при первой возможности прислать транспорт, они, не теряя времени, ушли вперед, прихватив с собой все, что можно было из боеприпасов и людей. В ожидании ремонтников трое оставшихся по привычке замаскировали технику и занялись бытом, т.е. стали соображать относительно пропитания. И вдруг прямо на виду, в пределах нескольких сот метров, — немцы! Не замечая нашего, присутствия, они затевают бой с кем-то на дороге впереди. Ясно, отстали и теперь прорываются на соединение со своими.

Что делать? В «военном совете» на равных принимает участие вся команда. Волею судьбы я, наводчик в звании младшего сержанта, являюсь старшим по чину и положению и должен принимать решение. Но, несмотря на несолидный возраст, понимаю, что последнее слово принадлежит нашему заряжающему Ивану Васильевичу Собко. Он признанный «отец» всей батареи и не случайно оставлен при орудии. Пожилой, несколько неуклюжий солдат гигантского роста славен своей невероятной силой, трогательной скромностью и беспредельной добротой. Но он, как всегда, не спешит со словом. Незадачливый водитель, человек новый и еще себя не проявивший, высказывает вполне резонные соображения: немцев в десятки раз больше, а, главное, у них танки и защищенная мощной броней самоходка. А у нас всего полтора десятка снарядов из «неприкосновенного запаса», два карабина, да трофейный автомат. Наводчика же волнует редкая удача. «Какая цель! “Фердинанд” стоит к нам боком (а здесь броня слабей), и расстояние меньше километра! Давайте, мужики, попробуем! Первый выстрел наш! А потом и отойти можно, до лесу рукой подать. Не будем же мы оборонять до последней капли крови

этот пустой хутор» «Дело, паря», — вступает Собко и тем кладет конец всем колебаниям.

Сигнал — и трое бегут к орудию. Каждый знает свое место, и действие Сорваны чехлы и маскировка, повернуты станины, готовы снаряды. Ствол быстро клонится к цели. В панораме прицела проплывают стволы сосен, кустарник и колосья пожелтевшей травы. И вот перекрестие уперлось в пятнистый бок чудовища. А оно еще не подозревает об угрозе и в очередной раз вздрагивает всей массой, изрыгнув снаряд в сторону ушедших в бой танков.

Первый выстрел — столб земли и дыма перед целью. Недолет. Фашист реагирует моментально. Его двигатель выбрасывает, густое облако сизого дыма, и машина начинает движение. Теперь все решают секунды. Второй снаряд высекает сноп искр. Неужели угодили в непробиваемую башню? А он уже начал разворот. Длинный хобот мощного орудия поплыл в нашу сторону. До конца боя считанные секунды. Повернись он хоть на тридцать градусов, и наше дело плохо — даже точно посланный снаряд отскочит от мощной брони. Но где же страх, холодивший нутро и щекотавший нервы на старте боя? Все — чувства, мысль, движение — слилось в одном — держать перекрестие чуть пониже башни. Пушка давно заряжена, но ждешь, ждешь еще долю секунды, чтобы угасло дрожание ствола после первого выстрела. Чтобы последний снаряд, верно достиг цели. Огонь! Черный смрад повалил из, казалось, холодной и неуязвимой стали. Так вот он каков, когда заденет за живое!

По инерции и четвертый заряд посылаем по уже замершему чудовищу и затем, почти не целясь, расстреливаем оставшиеся снаряды по опушке леса, куда укрылись автоматчики. Возбужденные успехом и опасностью, выходим из боя так же стремительно, как его начинали. Секунда — чтобы снять прицел, другая, — чтобы вынуть затвор, и вот уже вся команда, пригибаясь, перебегает в направлении спасительного леса. Наш бесстрашный заряжающий успевает прихватить тяжелый «Сидор», без которого бывалому солдату никак нельзя.

В лесу, разгоряченные и запыхавшиеся, выбираем место, где можно надежно укрыться, а придется — держать оборону. Шум боя у дороги постепенно затихает. Время идет, и от неподвижного ожидания сырость и стужа проникают под гимнастерки. Приходит догадка — нас никто не преследует. Тогда нужно идти в разведку. А Иван Васильевич добавляет, что пора варить мясо — все необходимое есть в заветном «Сидоре». И воду, в затопленном окопчике он заметил еще на пути нашего отступления...

Через полчаса водитель, вернувшийся со стороны хутора, принес поразившую нас новость: по лесной дороге, где еще дымится остов сгоревшего «Фердинанда», идут снова на запад колонны наших грузовиков.

На следующее утро пришла обещанная машина, и вот мы снова среди своих, в кругу привычных забот батареи. Комбат объявляет нам благодарность и составляет рапорт — представление к наградам. А парторг пишет «письма на родину». Чем дальше уходит время от того пасмурного дня в далекой Курляндии, тем дороже становится эта маленькая записка, старательно составленная парторгом Белкиным и бережно сохраненная родителями. Пожелтела от времени бумага, украшенная штампами полевой почты и военной цензуры, но не потускнели в памяти яркие воспоминания, связанные с ней.

Октябрь 1944 г. Латвия, район города Ауце

в 1940 кадеты интернациональн. делег.
 Брестской.
 Добивались с боевым трудом и выш.
 и выш. силой.
 Ком. Батареи Термаков.
 Парторг - Делекин
 а так же и сам по труду, довел
 товарища по работе.
 17.11.44г.
 У нас до врага свистит!

Смелость поощряем и уважаем!

ВОИНСКОЕ
 (бесплатно)

Куда Москва 66.
 Новая Рязанская
 Дом №18 кв. №4

Кому Тепову Тавлеу Д.

Адрес отправителя: 28646 «С»
 (указать № полевой почты)
 Петшич

ПОЛЕВАЯ ПОЧТА

Действующая армия.

Уважаемый Павел Дмитриевич.

Уведомляем вас в том, что вами сын
Валентин находясь на службе в нашей
подразделении в местностях боя с нем-
цами, оккупантами проявил себя, весьма
храбрый сыном нашей Родины.

Благодарю вас Павел Дмитриевич, что
вы воспитали такого сына.

На его счет немало упомянуто
мной смен и техниками противника,
от которых нецен правительственной
наградой Мечено "За отвагу".

В последние бои от упомянутого
"Германского" т.е. самокопью прояв-
лено. Павел Дмитриевич уверяем

вас, что недалеко тот час и немцы-
кое зверье будет упомянуто.

Коболь зверя в его совершенной берлоге
и вами сын Валентин с победой вернется

домой. Наме пожелаем и вам, уде-
лите свою энергию в вашей работе на
производстве и мы с прекрасной работой
тчим, что производят для фронта, вместе
попытки с проклятым фашизмом.
Желаем вам жить и здороваться.

Последний день войны

Война кончается. 30 апреля советские солдаты водрузили знамя Победы над берлинским рейхстагом. 2 мая завершен разгром берлинской группировки. Берлин взят! 8 мая подписан акт о безоговорочной капитуляции в Карлсхорсте, а в Москве в этот день опубликован Указ об объявлении дня следующего, 9 мая, Днем Победы...

Сегодня и у нас 9 мая, но мы здесь стоим на до сих пор оккупированной немцами советской территории и продолжаем воевать. «Здесь» — это Курляндия, западная часть Латвийской ССР, где блокирована крупная группировка немецких армий. Говорят, что у них здесь около 400 000 солдат и они упорно сопротивляются, отражая наши неоднократные попытки прорвать оборону, разгромить их, принудить к капитуляции. Под контролем немцев порты Лиепая, Вендспилс и несколько небольших городков. Город Тукумс, что прямо перед нашим фронтом, один из таких. Между собой солдаты поговаривают, что и после того, как немец на западе окончательно капитулирует, нам еще долго придется разбираться с нашими недобитыми фрицами. Одна надежда, что подбросят освободившиеся в Германии силы.

Сегодня страна празднует Победу а наша батарея стоит на открытом поле в полутора километрах от передовых окопов, откуда комбат и наши разведчики управляют огнем что ведем мы находясь на скрытых от врага позициях. Утро теплое, солнечное. Как и все последние дни, батарейцы расчехлили орудия, поднесли снаряды, сделали несколько пристрелочных залпов и теперь ожидаем команду для начала очередного массированного обстрела вновь выявленных и еще вчера намеченных для обработки целей. Сидим, греясь на солнышке, и ждем команду, удивляясь задержке в своей привычной работе. Вчера к этому часу от раскаленных стволов орудий шел крепкий чад. Снаряды в последние дни не жалели. А сегодня какая то вялость в действиях, непонятный простой. В чем дело?

Вдруг из блиндажа старшего на батарее выскакивает взволнованная телефонистка и срывающимся голосом кричит: **«Война окончена! Немцы капитулировали! Прекратить огонь, приготовиться к движению!»** Все как один, вскочили со своих мест и не сговариваясь возбужденные такой долгожданной и такой неожиданной новостью во все горло кричим. **«Ура!, Победа! Живы!»** Кто то схватил автомат лежавший на бруствере окопа и разрядил его в небо одной очередью. Видно радостную весть в округе мы получили первыми, потому что следом донеслись радостные вопли, и беспорядочная стрельба с позиций соседних батарей. Гулко рванул орудийный выстрел: видно кто то случайно, или на радостях сознательно нажал гашетку

заряженного орудия и салютовал великому и такому долгожданному событию.

Укладываем приготовленные снаряды, собираем разбросанные после вчерашней работы стрелянные гильзы, личные вещи и ждем скучая команду на начало движения. Вдруг на проселочной дороге, что пролегает рядом с нашими окопами, появляется небольшая группа человек в 10-20, во главе которой шагает наш славянин с автоматом, а за ним шеренгой следуют солдаты в немецкой форме. Пленных ведут! Стоим и смотрим на этукую невидаль. Большинство из нас уже не первый год в непрерывных боях, но так близко живых немцев не видели. С беззлобным любопытством разглядываем людей в чужой форме. Шеренгу замыкает наш солдат с оружием на изготовку. Вскоре прошествовала следующая в тыл вторая, более многочисленная толпа, при еще менее многочисленной охране. Наконец нам поступила команда подцепить орудия к машинам и начать движение на запад. Продвигаемся в сторону вчерашней передовой, а навстречу бредут все новые толпы сдавшихся фрицев. Одни под конвоем, но по большей части без сопровождения охраны. Особо запомнилась встреча с проследовавшей как на учебном смотре артиллерийской частью. Четыре крупных орудия на конной тяге, при полных расчетах разместившихся кто на передках, а кто верхом на тянущих пушки лошадях. Все подтянутые, все чистенькие, как на параде. И без всякого сопровождения. Сами, под командой своих офицеров они чинно проследовали на восток. Продвигаемся вперед медленно, часами простаиваем в пробках. На запад стремимся не мы одни. Тут и пехота со своими обозами, и зенитчики, и разные штабные фургоны. Ругаем промеж собой начальство за плохую организацию движения. А вот когда стемнело, начался главный, впечатляющий праздник свободного света и огня. Многие годы фронтовики твердо знали и строго соблюдали закон светомаскировки. Ночью ни какого открытого огня допускать нельзя. Даже курить в открытую было строго запрещено. А тут повсюду вдоль всей дороги громадные костры. И в небо как фейерверки поднимаются огненные шары сигнальных и осветительных ракет. Тянутся к звездам бусы светящихся точек автоматных и пулеметных очередей. Солдаты на радостях расстреливают ставшие ненужными боеприпасы. Вот этот праздник свободного огня запомнился как самое яркое впечатление от той первой ночи в условиях мира.

Глубоко за полночь остановились у высокого забора, отгораживающего участок леса, в пределах которого расположились большущие сараи, как выяснилось позднее полевого армейского склада. После затянувшейся паузы начальство сказало, что здесь можно отдохнуть до рассвета. Вошли в ближайший сарай, перед нами поразительная картина! Внутри вдоль длинной стены протянулись сколоченные из березовых жердей сплошные нары

и около них на всю длину единый стол. Стол был заставленный бутылками, уже опорожненными и еще не начатыми, вскрытыми консервными банками и в навал батонами хлеба и разной закуси. Но самое удивительное — на нарах, а то и прямо на земляном полу дрыхли в привалку утомленные возлиянием и обильной закусью солдаты. Солдаты разные, не только в родных, повидавших многое гимнастерках и бушлатах, но и в чужой мышиной форме. Наша толпа голодных и уставших от многокилометрового марша товарищей, не ожидая особого приглашения, приступила к трапезе. Обеспокоенные возможными неприятностями командиры старались удержать своих от излишнего возлияния. Утолив голод, откинулся на нары и уснул беззаботным сном первой мирной ночи.

Утром, подгоняемые окриками командиров, однако не забыв и в спешке прихватить со столов малость, быстро погрузились в свои машины и двинулись далее на запад в поиски остатков гитлеровских армий. В память о той странной ночи мне досталось другое нерадостное происшествие — потерянная во время сна на злополучных нарах медаль «За отвагу». У меня, их было две. В те времена всеми было принято носить свои значки и медали приколотыми к гимнастерке. Уже в машине кто-то из наших спрашивает: «А где вторая медаль?» Ясное дело, осталась там, в большом сарае, где отстегнулась во время сна и провалилась наземь через щели в настиле, на котором мы возлежали.

*9—10 мая 1945 г.,
Латвия, район г. Тукумс*

За нашу Советскую Родину!

Дорогой товарищ *Иван Белов В. П.*

После нашей великой победы над фашистской Германией и империалистической Японией Вы, с честью выполнив свой долг перед Родиной, возвращаетесь из рядов Красной Армии к своей семье, к мирному созидательному труду.

В жестоких боях за честь, свободу и независимость нашего Отечества Вы показали пример самоотверженного выполнения Военной Присяги и приказов нашего великого полководца Верховного Главнокомандующего Генералиссимуса Советского Союза товарища СТАЛИНА.

Вместе со всей Красной Армией Вы прошли славный и трудный боевой путь и теперь, расставаясь с Вами, мы от имени всего личного состава выражаем Вам сердечную благодарность за верную службу Родине.

Мы уверены, что на фронте труда Вы будете высоко держать свое звание гвардейца, покажете пример трудовой доблести и героизма в укреплении военно-экономического могущества нашей Родины, в выполнении нового сталинского пятилетнего плана дальнейшего расцвета нашего социалистического государства.

Не забывайте своей гвардейской части помните о своих боевых товарищах, поддерживайте с нами связь. Рассказывайте молодежи о бессмертных подвигах советских воинов в дни Великой Отечественной войны, воспитывайте ее на боевых традициях Советской Гвардии, неустанно распространяйте военные знания среди широких масс трудящихся.

От всего сердца желаем Вам долгой, счастливой и радостной жизни, здоровья, сил и самых лучших успехов в работе.

Командующий Гв. Армией
Гвардии генерал-полковник
КАЗАКОВ

Май 1946 г.

Член Военного Совета
Гвардии генерал-майор
ИВАНОВ

ЭПИЛОГ

С тех лет минуло более полувека. Память избирательна. Местами в ней образуются многолетние пробелы, а некоторые мгновения врезаются навсегда. И сегодня некоторые события той давности различимы до мелких деталей. С военных лет сохранились отрывочные записи, письма, документы, фотографии. Они помогли памяти восстановить картинки тех далеких лет.

Хочу покаяться в сегодняшних греховных мыслях и чувствах. В былые времена подобное признание притормозила бы охранявшая наше целомудрие цензура. А ныне, когда «все можно», скажу. И пусть меня осудят товарищи, пусть не поверит читатель, но позволю себе откровенность. Было дело. Как рядовой солдат шел я годами войны. Терял товарищей и сам был рядом с бессмертием. Мерз до крайности и всегда был голоден... Но, чудеса! Вспоминаю сегодня те времена как счастливые дни своей жизни. Может быть, потому, что был молод, полон сил и глупой веры в свою неуязвимость? А, может быть, так работает память — годы стирают в ней страницы мрачные и печальные, а светлые и радостные сохраняют? Или потому, что в то время мы все сознавали свою нужность и причастность к большому делу, в то время как теперь такая уверенность утрачена?

Трофеи фронтовых лет

Много лет спустя. В Музее земледения МГУ с друзьями, товарищами, начальниками. 2 февраля 2007 г.

Ветераны войны с директором музея земледения МГУ. 2010 г.

Белов Валентин Павлович
Солдат вспоминает минувшие дни

Подписано в печать 31.03.2010

Формат 60 x 90/16

усл. печ. л. 2,75

Тираж экз. 100 экз.

Музей Землеведения МГУ имени М.В. Ломоносова
119991, Москва, Ленинские Горы, 1